
ДМИТРИЙ АНТОНОВИЧ СКАЛОН

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ВОСТОКУ И СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ
В СВИТЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА
В 1872 ГОДУ

ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКИЙ МИР

«ИНДРИК» 2007

Восточнохристианский мир

Дмитрий Скалон

**Путешествие по Востоку и Святой
Земле в свите великого князя
Николая Николаевича в 1872 году**

«Индрик»

2007

Скалон Д. А.

Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году / Д. А. Скалон — «Индрик», 2007 — (Восточнохристианский мир)

Дмитрий Антонович Скалон (1840–1919) военный историк и мемуарист, адъютант великого князя Николая Николаевича Старшего, сопровождавший его в многочисленных служебных поездках и путешествиях по России и миру. В 1872 году участвовал в длительной поездке великого князя по Турции, Сирии, Палестине и Египту. Его книга об этом путешествии представляет собой по сути подготовленный к печати путевой дневник, содержащий как чисто личные наблюдения и впечатления, так и подробные описания официальной деятельности великого князя во время поездки. В книге содержится описание множества встреч великого князя: с султаном Абдулазизом, Иерусалимским Патриархом Кириллом, видными сановниками Османской империи. Спутниками Николая Николаевича были принцы Ольденбургские Александр Петрович и Константин Петрович, граф Г. А. Строганов, генералы Д. И. Скобелев, М. Н. Дохтуров, В. Н. Сипягин, А. А. Галл и др. Все они через пять лет после этого путешествия принимали активное участие в боевых действиях русской армии на Балканах под командованием великого князя Николая Николаевича Старшего. Эта поездка несомненно имела военно-политическое значение, но в Палестине приобрела четкий смысл паломничества ко Святому Гробу. В новом издании книги сохранено и унифицировано написание строчный и прописной букв, в титулах, названиях и т. п. согласно требованию нормы этикета времени автора.

© Скалон Д. А., 2007

© Индрик, 2007

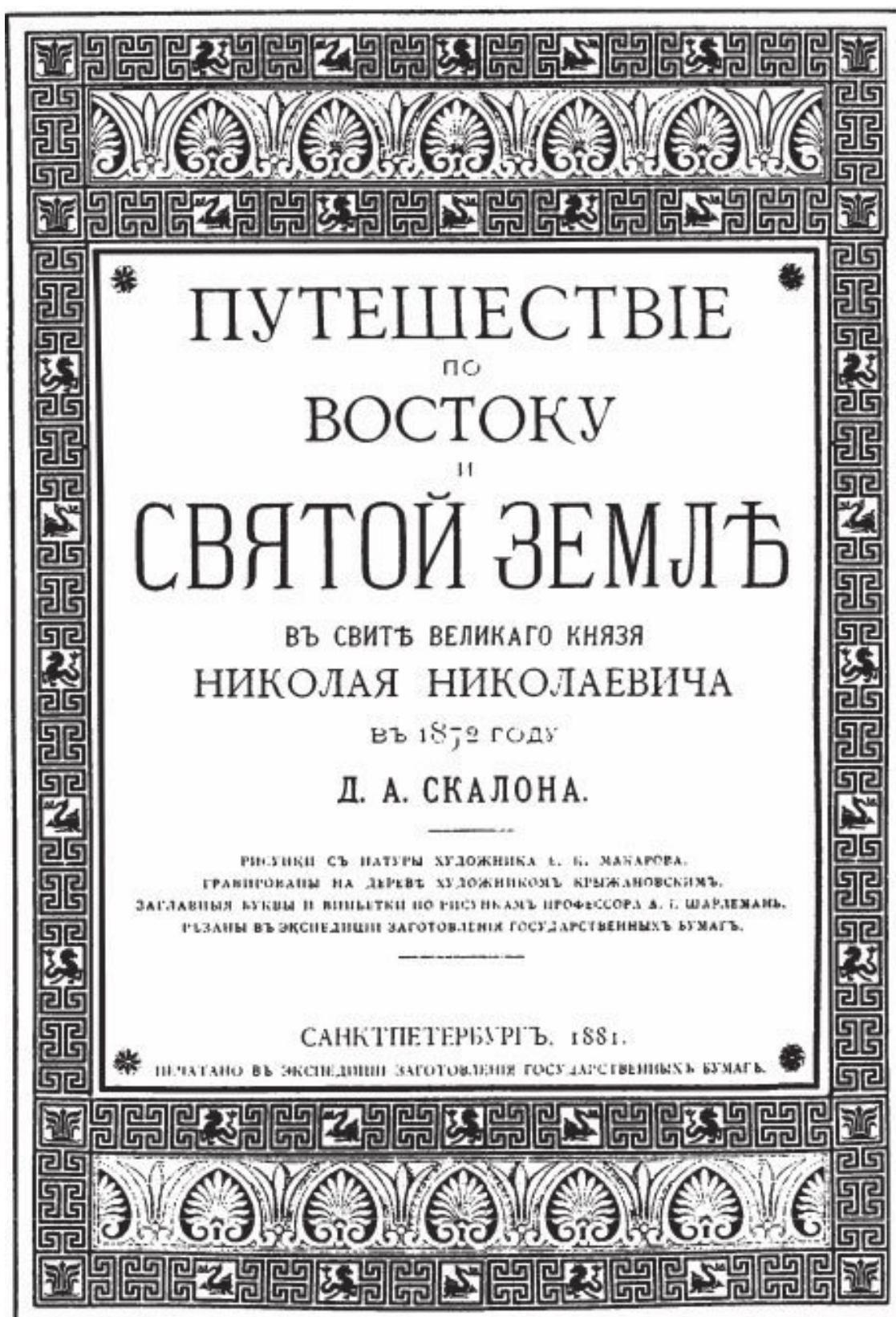
Содержание

Глава I	11
Глава II	17
Глава III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Дмитрий Антонович Скалон
Путешествие по Востоку и Святой
Земле в свите великого князя
Николая Николаевича в 1872 году**

© Издательство «Индрик», 2007

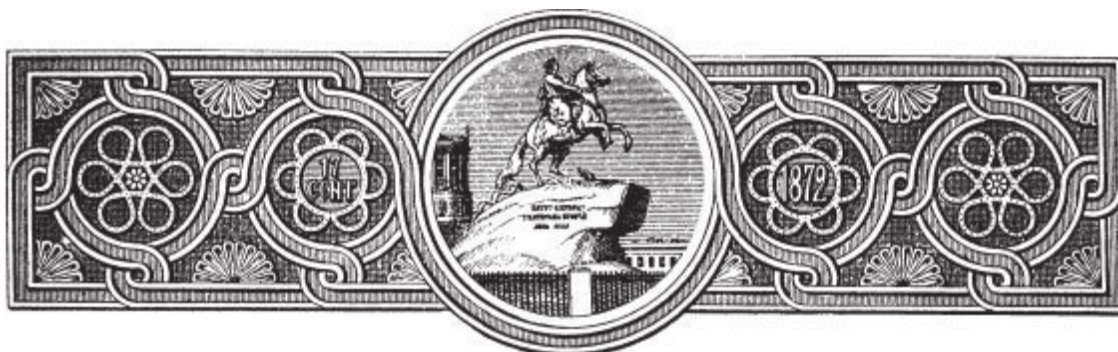
* * *

Его Императорскому Высочеству
Государю, Великому Князю
НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ
СТАРШЕМУ.

Глава I

Выезд из Петербурга. – Дорога до Вены. – Верхне-Венгерская равнина. – Австрийские пароходы и плавание по Дунаю. – Первая встреча с турками

Семнадцатого сентября 1872 года, в 9 часов утра, мы¹ выехали из С.-Петербурга по Варшавской железной дороге. Погода стояла свежая, ясная; поезд царских вагонов, со всеми удобствами, мчал нас в дальний путь.

«Куда мы едем?» – был общий, занимавший нас вопрос. На Восток!.. Далеко, за тридцать земель, через горы и долины, в царство Султана; на Восток, в страну обетованную, где родилось христианское учение, куда с детства обращались наши помыслы; и наконец – в царство вечной весны и лета, в долину чудного Нила. Пути немало! И действительно, кроме железных дорог нам придется странствовать недели две по морям, да около месяца верхом на коне по трудным дорогам, под жарким солнцем, под убийственным зноем. Есть над чем позадуматься, из-за чего поставить вопрос: «Куда мы едем?». » Поэтому всем нам по сердцу пришелся тост, провозглашенный Великим Князем за завтраком: «За благополучное путешествие и здоровье всех сопутствующих!» Мы дружно чокнулись бокалами и запили шампанским доброе пожелание. Во Пскове обедали. Вечером играли за двумя столами в карты, пили чай, болтали кой о чем, разошлись по своим отделениям и легли спать. Утром я проснулся в 6 часов и встал, чтобы, вспоминая старину, посмотреть на знакомую мне местность южнее Вильны. Станции Ландварово, Ораны, Марцынканцы, вырубленный по сторонам дороги сосновый и еловый лес, пески, поля, все это было мною пройдено вдоль и поперек во время последнего польского восстания и теперь переносило мои воспоминания в блаженные времена первых офицерских чинов.

Между тем среди разговоров и споров подъехали к Гродне, и однообразный ландшафт немного изменился: показались пирамидальные тополи, костелы с башнями. Промелькнул под нами Неман с красиво расположившимся на берегах его городом; а затем снова прежнее однообразие: сосны, песок, поля, луга, по которым кое-где паслись стада. К четверем часам мы прибыли в Варшаву. Я в первый раз увидел бывшую столицу Польши, и, признаюсь, она мне понравилась. Замок, влево сады, вправо цитадель, спереди река с великолепным мостом, за

¹ Великого Князя сопровождали: Их Высочества – Князь Евгений Максимилианович Романовский, Герцог Лейхтенбергский; Принцы Александр и Константин Петровичи Ольденбургские; граф Г. А. Строганов, генерал-лейтенант Д. И. Скобелев; генерал-майоры М. Н. Дохтуров, А. А. Галл, В. Н. Сипягин, В. К. Клем; флигель-адъютант граф Г. Берг, адъютанты Его Высочества А. П. Струков, Д. А. Скалон и Ф. П. Ласковский; лейб-хирург А. Л. Обермюллер, художник Е. К. Макаров, барон Е. К. Фелейзен; гг. Толон и Кронеберг; лекарский помощник К. И. Березкин и девять человек прислуги. В Константинополе к нам присоединились: Н. Д. Макеев, драгоман посольства, назначенный сопровождать Его Высочество, и наш дамасский консул г. Юзефович.

нею на высоком берегу город; все это группируется чрезвычайно живописно. Площадь за замком с фонтаном и колонной Сигизмунда, обрамленная средневековыми, высокими, в три окна домами, напоминает немецкие постройки; славянского элемента в них и следа нет. Мы быстро проехали в ландо через город по Новому Свету до Лазенковского дворца, прекрасно расположенного среди прудов и векового парка, и после обеда разбрелись по городу. Я поехал с графом Бергом в Саксонский сад; заглянул в Новый летний театр, потом в Большой, где шел полутрагической балет Доберваля «Тщетная предосторожность» в весьма жалкой обстановке и к десяти часам подкатил к станции железной дороги; там собрались уже многие из наших. Недоставало одного Л., который поэтому и испытал неприятность одинокого путешествия: он отстал от нас и приехал в Вену сутками позже. Нам было уже известно, что на границе мы должны будем перебраться на тесные квартиры, так сказать, то есть с широкого расположения в трех вагонах перейти в один, а потому, желая в последний раз отдохнуть на полном просторе, мы, не теряя времени, все легли спать и в 5 часов утра проснулись уже в австрийских владениях.

Переодевшись в статское платье, я, почти в темноте, разменял деньги у евреев, доверившись вполне их честности, потому что спросонков никак не мог сообразить относительной стоимости гульденов, крейцеров, лир и прочих монет. Когда изготовили и подали поезд, мы разместились в одном вагоне довольно удобно и продремали до Щебини, где пили кофе. Между тем совершенно рассвело, и я стал рассматривать новую местность, вглядываясь в новые типы. Казалось бы, дорога все одна и та же, а граница сказала: среди населения встречается еще много русских лиц, только в чуждой одежде; у жидов выросли длинные пейсы; у служащих на дороге будто носы и подбородки стали поострее; офицеры в плащах и курточках-блузах, в кепи некрасивого покроя. Страна отлично возделана: везде видны изгороди, дороги, обсаженные деревьями, поля обработанные в виде грядок, сенокосные луга, аккуратные каменные домики с черными крышами. Иногда между ними встречается церковь со шпилем, ряды тополей живописно выдаются из разбросанных групп деревьев или стройно вытягиваются вдоль дорог и канав. Липа и еще некоторые из лиственных деревьев уже пожелтели. В иных местах вдоль железной дороги посажена живая изгородь из стриженных елок, что очень красиво.

На станциях подсаживаются рекруты, которых со слезами провожают женщины, а мужчины прощаются пожатием руки. В Одерберге остановка на час, для завтрака. Несмотря на инкогнито, Великий Князь был встречен здесь начальником станции в парадной форме, а завтрак накрыт был в императорских комнатах. После завтрака, мы, в свою очередь, служили пищею любопытным, так как вагон Великого Князя был украшен орлами и коронами и потому невольно изобличал его инкогнито.

Я любовался красивою местностью – холмики, предгорья, ручейки, мостики, чистенькие деревушки, села, развалины старинных замков, все это быстро проносилось пред глазами, сменяясь одно другим, пока разом не исчезло в непроглядном мраке тоннеля, по выходе из которого местность изменилась, приняв характер наших степных губерний: вдали, за нами, виднелись силуэты Карпат; пред нами гладь, поля, покрытые еще не собранною кукурузой и бахчами. На станциях венгерские костюмы, вечное постукивание молоточком по колесам и выкрикивание на различные голоса: «*frisches Wasser*».

Но вот, наконец, въезжаем на мост, под нами Дунай с песчаными отмелями, а за ним – широко раскинувшаяся Вена. В 5 часов в вокзале нас встретили, посадили в экипажи и через Леопольдштадт и Рингштрассе повезли в «*Grand-Hotel*», где уже заблаговременно были заняты номера.

Признаюсь, действительность превзошла мои ожидания: в тех местах, где мы проехали, город может быть назван, в полном смысле слова, красивым; везде замечательная чистота, в особенности на Ринге, множество громадных зданий, дворцов, бульвары, и все это оживлено бойким движением толпы горожан, пешеходов и всадников, омнибусов, разнообразнейших экипажей, беспрестанно снующих вагонов железно-конной дороги и небольших тележек,

которые возятся здесь запряженными собаками. Вскоре после обеда в «Гранд-Отель» совершенно стемнело, и я пошел с графом Бергом пошататься по улицам. Избегали Колмаркт, Грабен, Кернтнер-Штрассе и все соединяющие их переулки, проулки и проходные дворы. Зашли также посмотреть и на собор Св. Стефана, который в ту минуту как-то фантастически уносился своим шпилем в темную высь, и только снизу смутно освещался слабым светом фонарей, рисуясь на темном фоне неба как сероватое кружево своим богатым готическим узором. От собора вернулись к прелестному зданию нового оперного театра и вошли в фойе. Что за роскошь! Видно, что национальное искусство здесь в почете, и живет, как подобает, в великолепном храме. Признаюсь, сравнив этот театр с нашим Мариинским, я с завистью посмотрел на золоченую, украшенную чудесными фресками и бюстами композиторов приемную немецкой оперы.

От этого прелестного здания до Гранд-Отеля каких-нибудь сто шагов. Было уже время отдохнуть. Мой номер очень уютен, удобен и даже роскошен. Вообще гостиница отлично содержана, и кто не боится израсходовать лишний гульден, может рассчитывать здесь на все удобства.

В следующие дни, обыкновенно после утреннего чая, я отправлялся с графом Бергом гулять по городу: осматривал встречные памятники, церкви, здания, магазины, делал кое-какие необходимые закупки для путешествия и знакомился, таким образом, с уличной жизнью Вены. Все это, впрочем, слишком уже известно читателю, чтобы стоило о том распространяться, а потому замечу вскользь, что Вена на вид чудесный город, представляющий все удобства для жизни.

22-го сентября с утра мы уже уложились и отправили вещи на железную дорогу; затем, позавтракав и пошатавшись, на прощанье, еще разок по веселым, бойким улицам, к двум часам собрались в вокзал Северной железной дороги, а в два с половиной поехали в Базиш на Дунае, через Офен и Пешт.

Дорога идет между невысокими холмами, скаты покрыты виноградниками и садами, которые в обширной долине разрастаются огромным поясом вокруг Пресбурга, прежней столицы Венгрии (до 1784 года).

За Пресбургом, часа за два до сумерек, мы могли вдоволь любоваться чудесно возделанною Верхне-Венгерскою равниной. Вся страна вокруг представляется одним громадным садом с шоссированными дорогами, с аллеями белых акаций, каштанов и тополей, обрамляющих поля; виноградники и виллы, около которых нередко простираются обширные парки. Впрочем, что касается меня лично, то вся эта местность вскоре показалась мне однообразною, потому что здесь природа слишком уже тщательно приглажена, подчищена, подстрижена; много искусства, за которым, так сказать, не видишь самой природы с ее естественною красотою и прелестью. Это нарядное и какое-то форменное однообразие в конце концов надоедает так, что я невольно отвлекся от созерцания австрийских культивированных долин первым случайным разговором и взглянул в окно только тогда, когда уже совсем стемнело и мы подъехали к Дунаю. Река тусклыми бликами представляла взору свою свинцовую поверхность, обрамленную черными абрисами гор и отражавшую в себе длинные, струистые, огненные полосы костров, там и сям разложенных судорабочими, сплавщиками бревенчатых плотов и дунайскими рыбаками.

Несмотря на яркое мерцание звезд, было очень темно, когда в 9 часов мы приехали в Пешт, где, кроме вокзала, ничего не довелось нам увидеть. На следующий день я проснулся уже в Темешваре. Утро было прелестное, дорога пробегала по необозримым полям Венгрии, которые во всем напоминают нашу Малороссию; окончательному сходству этих двух стран мешают только виноградники, но это уже подробность, а в общем, поверхностном взгляде — Малороссия, да и только.

К 10 часам приехали в Базиш. Поезд подошел к дебаркадеру, который построен на самом берегу Дуная. Нас встретили носильщики-румыны, в белых сорочках с широкими рука-

вами, в широких же шароварах и в черных жилетах с серебряными пуговицами; на голове шапочка, очень напоминающая наши, всем известные, ямщицкие шапки, ноги обуты в кожаные лапти и наконец, самая характерная часть костюма, кожаный пояс, вершков в шесть или восемь ширины, с тисненными узорами. Весь этот представший пред нами люд носит усы и бреет бороды, отличаясь по большей части смуглым лицом, черными глазами и волосами, а по типу своему весьма напоминает наших «хохлов», малороссов.

Пароходная пристань находится у самой станции. Пароход уже дымился и нарочно ждал нашего поезда. Капитан встретил Великого Князя в мундире, и когда багаж перенесли на палубу, испросил разрешения отчалить.

Австрийские пароходы, совершающие срочные рейсы по Дунаю, очень удобны, чисто содержатся, имеют просторные каюты, снабжены хорошим буфетом и предлагают очень хороший стол. По крайней мере таковы были пароходы: «Франц Иосиф» и «София» на которых нам довелось ехать.

От Базиаша до порогов река не представляет особых прелестей для глаз; здесь она довольно широка (4000 футов), берега с одной стороны песчаны, с другой покрыты лесом.

Дунай протекает на расстоянии 2500 верст, чрез пять террасообразных равнин, образуя, в местах перехода из одной равнины в другую, пороги, затрудняющие судоходство. Нам предстояло плыть от Базиаша Нижне-Венгерскою равниной до Тивадицы в Венгрии, и Иоча в Сербии, где ложе реки на протяжении двадцати миль до Скелла-Кладова суживается ветвями Балканов и Семиградского нагорья, и где, собственно, начинается самая интересная часть Дуная, называемая Клисурой; наконец, от Скелла-Кладова плавание должно было продолжаться до Рушука уже Валахскою низменностью. Мы окончили завтрак и вышли наверх, когда пароход подошел к тому месту, где река, суженная в своем течении, врывается в первую Дунайскую теснину Бабакай, с которой глядят развалины старинного и красивого замка Колумбач, расположенного на половине ската возвышенности сербского берега. В скалах около Колумбача находятся пещеры, в которых три раза в году нарождаются громаднейшие рои комаров. У входа, ближе к левому берегу, возвышается скала «Попугай». Здесь, по существующему между матросами обычаю, совершают над новичками нечто вроде экваториального крещения.

По мере того, как мы подавались вперед, ветер, доселе довольно сильный, начал стихать и вскоре совершенно прекратился, лишь только горы живописным поясом охватили течение как будто со всех сторон. Река, извиваясь красивою лентою, огибает подножие гор, поросших невысоким лесом и кустарником; по сторонам выдаются обнаженные скалы, разнообразя вид своими формами и оттенками глинистого цвета. Немного ниже Колумбача изредка попадаются селения с небольшими полями кукурузы, проса и иных хлебов. Вообще местность довольно пустынна и носит дикий, но живописный характер. Местами из боковых долин впадают в Дунай горные потоки или пересохшие русла. Вдоль левого берега тянется шоссированная дорога, перебегающая чрез эти речки и стремнины по каменным мостам и мостикам.

Вот из-за темно-зеленой горы вырастает, подобно замку с башнями и бойницами, высокая скала, и Дунай круто поворачивает к югу; а немного ниже белая полоса водяной пены указывает начало Верхних порогов. Тут поперек реки лежит подводный камень Тахталие, образуя на протяжении от полутора до двух миль ряд водоворотов и стремнин. Наибольшее их число встречается у Излаша, подходя к которому наш «Франц-Иосиф» завернул против течения, для того чтобы дать место другому пароходу, который в это время переваливался через порог. Река несется со скоростью $9\frac{3}{4}$ верст в час, а у мыса «Гребень» значительно суживается и будто впадает в горное озеро с необыкновенно красивыми очертаниями берегов, где скалы сменяются горами и холмиками, на которых расположились селения, и между ними белеется церковь. Среди озера находится остров, поросший густою зеленью. Затем Дунай опять сковывается великолепными крутыми и высокими скалами; течет как бы вдоль стены, у подножия горы Стербеч, высшей точки прохода (в 2180 футов), и с шумом ударяется в гору Казан, на кото-

рой видна покинутая караулка. Но вот скалы все больше и больше сдвливают течение, вода сильнее и сильнее рвется в диком ущельи, до самого узкого места Раконь (от 300 до 400 футов ширины), которое можно было бы назвать Дунайским проливом. Некоторые из нас уселись на кожухе, любуясь бесконечным рядом картин и примечательными особенностями Дунайских берегов; так, на Ванатском берегу за Стербечом находится много пещер, между которыми особенно замечательны две: одна из них сквозная и выходит на 3/4 часа ходу, в продольную долину; другая, носящая название «Пещеры Ветеранов», замечательна тем что в ней укрылся в 1848 году целый полк конных венгерцев. На сербском берегу возбудили общее внимание следы римской дороги, известной под именем «Траянова Пути»; местами она такой ширины, что и теперь еще могут свободно пройти два человека рядом; кое-где видны вырубленные в скалах углубления четырехугольной формы, в которые вставлялись бревна для настилки мостков. Около Ракони на скале, в продолговатой рамке, высечена латинская надпись, но к сожалению она до такой степени закопчена кострами рыбаков, что мы не имели возможности разобрать ее.

Вообще правый берег Дуная на вид гораздо неприступнее левого и мало населен, зато, как говорят, охота здесь хороша: попадает много кабанов, козуль и т. п. дичи. На австрийском же берегу звери истреблены граничарами.

Пароход наш, перелетев узким фарватером через пороги и кипящие среди волн и пены водовороты, остановился у Альт-Оршовой; это маленький городок, весь в садах, с чистенькою набережной и небольшими каменными домами. От города тянется аллея тополей, в конце которой найдена была спрятанная Кошутом корона святого Стефана, и на этом самом месте, в память столь драгоценной находки, воздвигнута часовня.

Мы перешли на маленький пароход, чтобы проскользнуть чрез «Нижний Порог» или «Железные Ворота» до Турн-Северина, где опять предстояло перебраться на пароход больших размеров, который уже должен был доставить нас к Руцуку. Недалеко от Альт-Оршовой лежит укрепленный остров, это турецкая крепостца Новая Оршова, занятая гарнизоном из 400 человек с комендантом в чине полковника. На верках прохаживались часовые, а внутри виднелось несколько одноэтажных зданий, должно быть казармы, немного зелени и особый домик, окруженный тополями, вероятно, квартира коменданта.

Против острова, на правом берегу, стоял турецкий форт, взорванный сербами в 1868 году; на левом берегу валахская граница.

Версты за полторы ниже острова мы взошли в Железные Ворота. Здесь ряд порогов, с виду заметных только по усиленному волнению речной поверхности, да по быстроте течения. Первый порог Горная Белега; а саженьях в 250 от него, второй – Дольная Белега; вода страшно несетя, кипит, бьет пеною и так ревет, что при разговоре даже слов невозможно расслышать. Фарватер очень узок, пароход идет рядом со страшною стремниной, – малейшая ошибка рулевого и, кажется, щепок не соберешь... И действительно, капитан сказывал, будто не было примера, чтобы кто-либо спасся, раз попав в бесчисленные водовороты и буруны. В сильные засухи пороги оголяются. У берегов видны забои, понаделанные для ловли лососей. У острова Балени насчитывают еще 23 водоворота, и затем Дунай течет уже гораздо спокойнее.

Это спокойствие течения, очевидно, находится в зависимости от характера самой местности, которая здесь совершенно изменяется: дикие скалы с их резкими очертаниями преобразились в высокие холмы, с закругленными вершинами по скатам; видны обвалы от песчаника; вместо каменных строений появляются деревянные избы валахских деревень, с высокими крышами и заборами из хвороста. По берегу идет валашка в длинной белой сорочке с красным передником и низко спущенным белым же покрывалом. Подходим к полуразвалившейся четырехугольной башне, стоящей на том месте, где некогда был мост Траяна. А вот и куполы православного храма, рядом с минаретами, в сербской крепости Кладова, замеченные нами еще издали, при выходе из Железных Ворот. В Кладовой обыкновенно перегружаются суда, прошедшие чрез пороги. Мы остановились и пересели на большой пароход «София» у валахского

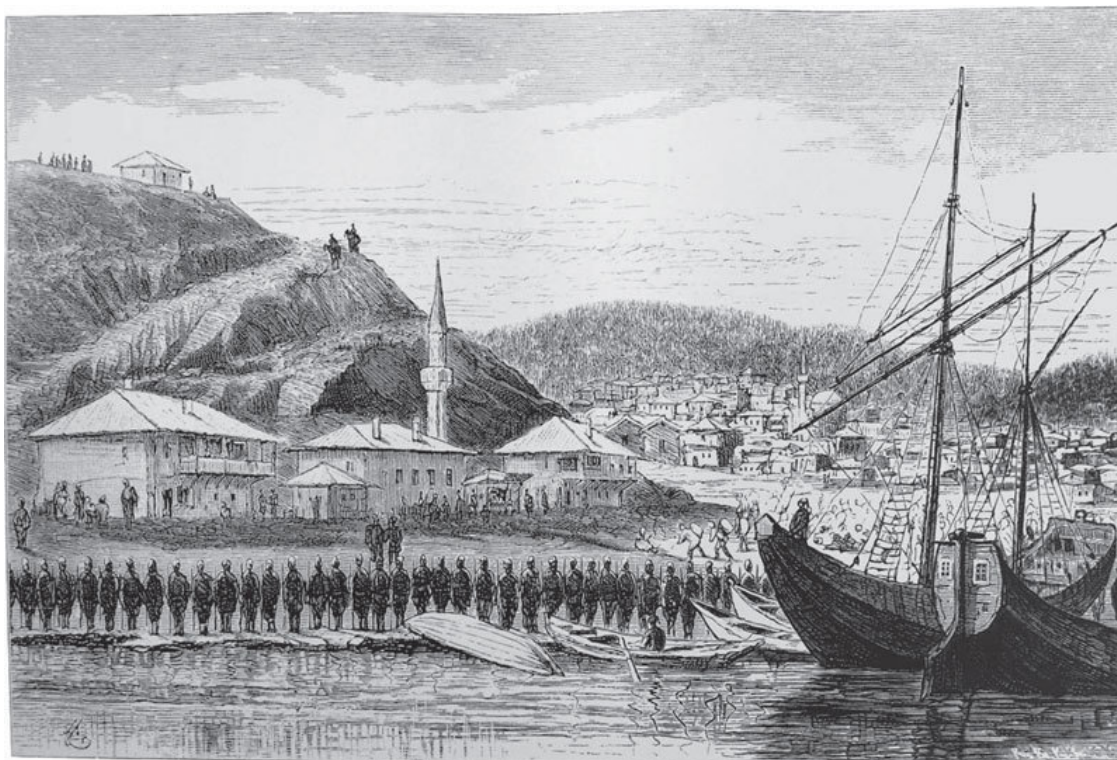
городка Турн-Северина, который лежит среди плоского песчаного берега и по первому впечатлению очень напоминает, внешним видом своим, наш Козьмодемьянск.

На пристани собрались местные власти для встречи Халиль-Шериф-паши, министра иностранных дел Блистательной Порты, который одновременно с нами ехал в Константинополь, к месту своего нового назначения.

Пока шло официальное представление местных властей, мы наблюдали характер наружности жителей, собравшихся у пристани, но ничего не нашли в нем резкого, выделяющегося какою-либо типическою, яркою особенностью. Между тем наступили сумерки, в городе засветились огоньки, на небе зажглись звезды; власти церемонно откланялись и пароход наш «София», описав широкий полукруг, пустился вниз по течению; Турн-Северин на излучинах реки мелькнул раза два своими огоньками и затем слился с темнотою.

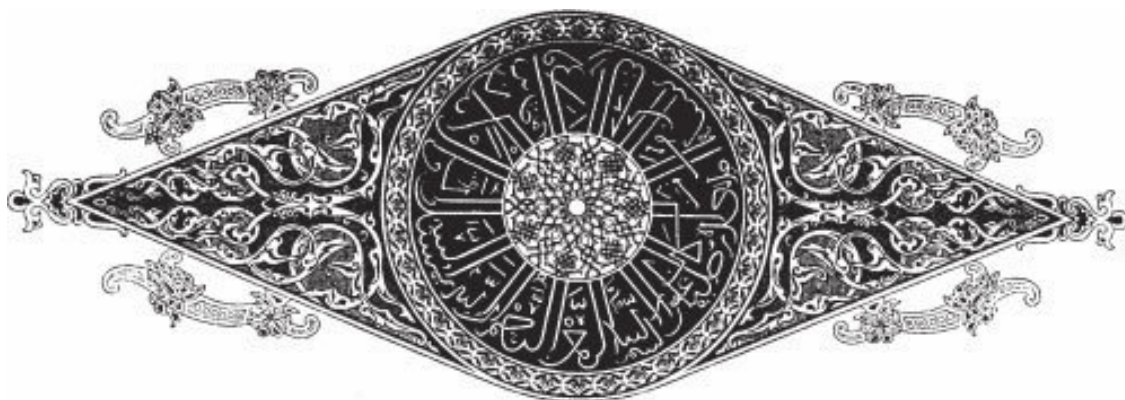
Нас позвали к обеду, причем мы заняли особый стол и благодаря веселости Г. А. С. много смеялись. За остальными столами разместились прочие пассажиры. Турки же присоединились к нам, когда подали кофе. Дам ехало только две (кажется гречанки). Одна из них, довольно интересная, особенно выигрывала оттого, что не имела соперниц. Наш художник пробовал было набросать с нее легкий очерк в своем альбоме, но увы! неудачно: при небольшом росте, черты ее были слишком резки и сглаживались только молодостью, которая ускользнула на бумаге. К 9 часам все разошлись по койкам с целью поспать эту ночь спокойно, так как на следующую ночь нам предстояла неизбежная качка в Черном море.

Я проснулся очень рано и выглянул в окно: берег плоский, песчаный, скучный, давит своею монотонностью и каким-то отсутствием жизни...

Запасшись топливом, пароход пошел дальше до следующей пристани у Систова, против которого лежит чистенький валахский город Зимница

Глава II

Станция железной дороги. – Кавас из Арнаутов. – Встреча и обед в Шайтанджике. – Варна. – Плавание по Черному морю. – Гарем на палубе. – Дельфины. – Вход в Босфор. – Константинополь

Выйдя в восьмом часу на палубу, я встретил там многих из товарищей, наслаждавшихся чудною свежестью ясного осеннего утра. Вода как зеркало; но ветер свеж, и резкость его, казалось, увеличивалась вследствие быстроты нашего хода. Я оделся потеплее и сел на кожах, чтобы не пропустить чего-нибудь замечательного. Толон принес небольшой спектроскоп и стал объяснять его теорию, причем разговор, само собою, перешел в область астрономии и новейших исследований состава небесных тел исследований, сделанных с помощью спектрального анализа. Река текла спокойно и плавно своею широкою поверхностью среди песчаных берегов. Из них левый совершенно ровен, как степь, а к правому иногда подходят небольшие холмы, нарушающие однообразную картину, в особенности там, где Дунай огибает около них два-три поворота.

Вот на склонах одного невысокого кряжа, подошедшего к реке, раскинулось довольно большое черкесское селение Кифа; пред ним покоятся на речной глади четыре двухмачтовые судна и несколько барок. Черкесы, как говорят, старательно занимаются хлебопашеством и садоводством, производя в значительном количестве пшеницу и ячмень. Проходим мимо Никополя – городка, который красиво приютился в долине, под защитой крепости и разрушающегося замка на горе. Версты на две ниже «София» пристала к валахскому местечку Дон-Магарел. На пристани играла музыка и стоял взвод пехоты, в лаптях и в шинелях нашего покроя, да десять рядов конницы (нечто вроде гусар, в красных шитых курточках и белых чакчирах с ботиками). Запасшись топливом, пароход пошел дальше до следующей пристани у Систова (20 тысяч жителей), против которого лежит чистенький валахский город Зимница. Здесь мы в первый раз встретились с восточною обстановкой: в городе, красиво расположенном по склонам возвышенности, на самом берегу, между тюками, кулями и бочками в разнообразных группах стояли и сидели турки с чалмами или фесками на голове, в шароварах по колено, в курточках или халатах, – словом, как мы привыкли видеть их на картинках. Иные из них таскали на спине товарные тяжести. Между этими группами сновали погонщики, со своими ослами и лошадьми, нагруженными всякого рода кладью. Я насчитал вдоль берега двадцать шесть двухмачтовых судов очень оригинальной постройки, которая напоминает отчасти китайские жонки.

Немного ниже Систова лежат поперек Дуная три наносные отмели, постоянно изменяющие свои очертание, чрез что крайне затрудняется судоходство. Пройдя между ними зигзагом,

мы шли, уже не останавливаясь, до самого Рушука. Тут порою встречались нам довольно красивые острова, поросшие лесом. В 3 часа пароход подошел к Рушуку.

Вообще замечу, что берега Дуная по Валахской равнине скучны и пустыньны. Правда, река поражает своею шириной, местами доходящею до версты, и массою воды; но кто видел Волгу с ее населенными берегами и оживленным движением пароходов, росшив и белян под парусами, целых караванов барж и лесных гонок, тому эта часть Дуная не представит ничего такого, что могло бы особенно нравиться. Берега населены только изредка, и от самого Базиаша до Рушука мы встретили по реке всего лишь три или четыре парохода, да несколько барок и двухмачтовых судов, не считая, конечно, тех, что стояли у некоторых пристаней. Впрочем сильное оживление по реке и у нас только в верхнем и среднем течении Волги. Как видно, то же самое и на Дунае.

В Рушуке встретили Великого Князя генерал-губернатор округа и наш консул. По ступеням, от пристани к берегу, были расставлены шпалерою солдаты. Пехота с ружьями, артиллеристы и моряки с тесаками. Это была наша первая встреча с турецким воинством; потом мы имели случай познакомиться с ним поближе, во время путешествия по Сирии и Палестине; и – признаюсь, я стал смотреть на турецкого солдата с большим уважением, заметив в нем прекрасные качества и, между прочим, способность безропотно переносить трудности похода и голод. По-видимому, самую слабую сторону турецкой армии составляют офицеры, высшее начальство и администрация. Но об этом в свое время. Замечу только, что вся турецкая армия одета в одинаковую форму без различия родов оружия; костюм турецкого солдата составляют: синего сукна курточка, жилет, застегивающийся сзади, в роде наших супервестов, шаровары ниже колена, плотно облегающие икру, кожаные башмаки в пехоте и артиллерии, и высокие сапоги в кавалерии. Все платье обшито красною тесьмой. Только у моряков вместо синего цвета – белый; но головной убор одинаков у всех – это красная феска, без всяких отличий от паши до рядового.

Меня, большего всего, забавлял один страж общественного спокойствия, из арнаутов

Простившись с любезным капитаном и поблагодарив его за плавание, Великий Князь перешел в приготовленную комнату на станции железной дороги, где принял угощение, по восточному обычаю состоявшее из кофе и прохладительных напитков.

Я забыл сказать, что пристань лежит у самого дебаркадера, а потому мы перешли прямо в вагоны.

Толпа любопытных осаждала станцию и платформу; кавасы², летали во все стороны, отгоняя длинными хлыстами слишком назойливых мальчишек. Меня, больше всего, забавлял один страж общественного спокойствия, из арнаутов, в сильно поношенном, но живописном костюме, грозно вооруженный торчащими за поясом пистолетами и кинжалом.

Он казался ужасно озабоченным исполнением своего долга; без устали убеждал толпу не толкаться вперед, махал руками, бросался в погоню за более дерзкими ребятишками, шлепая о босую пятку тяжелыми башмаками, и страшно хмурил свои брови, густо нависшие над глазами.

Большинство собравшегося народа составляли болгары и греки. Турки слишком апатичны, чтобы любопытничать. Были и женщины, но нельзя сказать, чтоб интересные.

Собственно о Рушукке ничего не могу сообщить, потому что видел его только с парохода, подходя к пристани; город со множеством минаретов лежит на холмах среди садов, окруженный крепостными верками, при которых было пролито много русской крови во время неудавшегося штурма в 1810 году, под начальством графа Каменского, и одержана в следующем году победа Кутузовым над великим визирем Ахмет-беем.

Вскоре поезд наш тронулся и мы покатались по обработанной волнообразной местности, между черноземных полей, на которых кой-где одиноко стояли невысокие, но густолиственные дубы.

Станции по всей линии на один покрой: низенькие, чисто выбеленные, с маленькими окнами и зелеными крышами. На некоторых из них встречали Великого Князя болгарское духовенство, улемы, то есть магометанское духовенство и представители соседних местечек. Стоявший на платформе и около поезда народ с виду казался очень бедным; рубашка с открытой грудью, шаровары, широкий пояс вокруг талии, туфли, феска, у некоторых чалма, и все это весьма поношено, вытерто, в заплатках...

Пассажиров, и в особенности женщин, в нашем поезде было немного. Во втором классе сидел какой-то больной турецкий офицер с двумя женами, да три женщины из свиты Камиль-паши. Не доезжая станции Ишиклы, открылся вид на Балканы, а на следующей за тем станции назначен был обед.

Когда поезд остановился в Шайтанджике, нас попросили пройти шагов сто до палаток, где был накрыт обеденный стол. Но уже смеркалось и отдаленные предметы сливались в неясные образы, а потому мы и не заметили выстроенных пред шатрами войск и были очень удивлены, когда вдруг раздались командные слова и заиграла музыка. Халиль-Шериф-паша представил Великому Князю начальника штаба 2-го корпуса, Фаик-пашу, совершенно чисто говорившего по-немецки, и затем Его Высочество пошел по фронту. К сожалению, темнота наступала так быстро, что пришлось освещать людей фонарем. Войска эти, в числе восьмидесяти батальонов и двух эскадронов, были высланы для встречи Великого Князя из Шумлы. Люди рослые, широкие в плечах, здоровы и чисто одеты.

Обойдя фронт, все присутствовавшие в свите за Великим Князем вступили под огромный шелковый шатер и сели за стол, уставленный различными закусками, фруктами и цветами. Обед был составлен из турецких блюд: жареная баранина, фазаны, куры, рис в различных видах, какие-то овощи под соусом, кислое молоко и разные варенья. Все это в нескольких видах. Я не сошелся вкусом с турецкими гастрономами и поел с удовольствием только рису с кислым молоком да фруктов.

² Кавас значит «полицейский».

Между тем музыка играла – не скажу хорошо, но оригинально; в особенности обращало на себя внимание своеобразное употребление гобоев. На бивуаках и пред шатрами зажгли громадные костры, бросившие красноватый отблеск на группы людей и кругом лежащую местность.

К концу обеда поезд подошел к палаткам; мы сели в вагоны, и в 10 часов приехали в Варну.

Крепость Варна³ прикрывает одну из главных дорог чрез Балканы к Константинополю и лежит у подошвы северной покатости гор, при заливе Черного моря.

Подходя к Варне, еще верст за двадцать я заметил по усиливавшемуся и разносившемуся грохоту колес, что поезд, должно быть, мчится по долинам и узкостям Балкан.

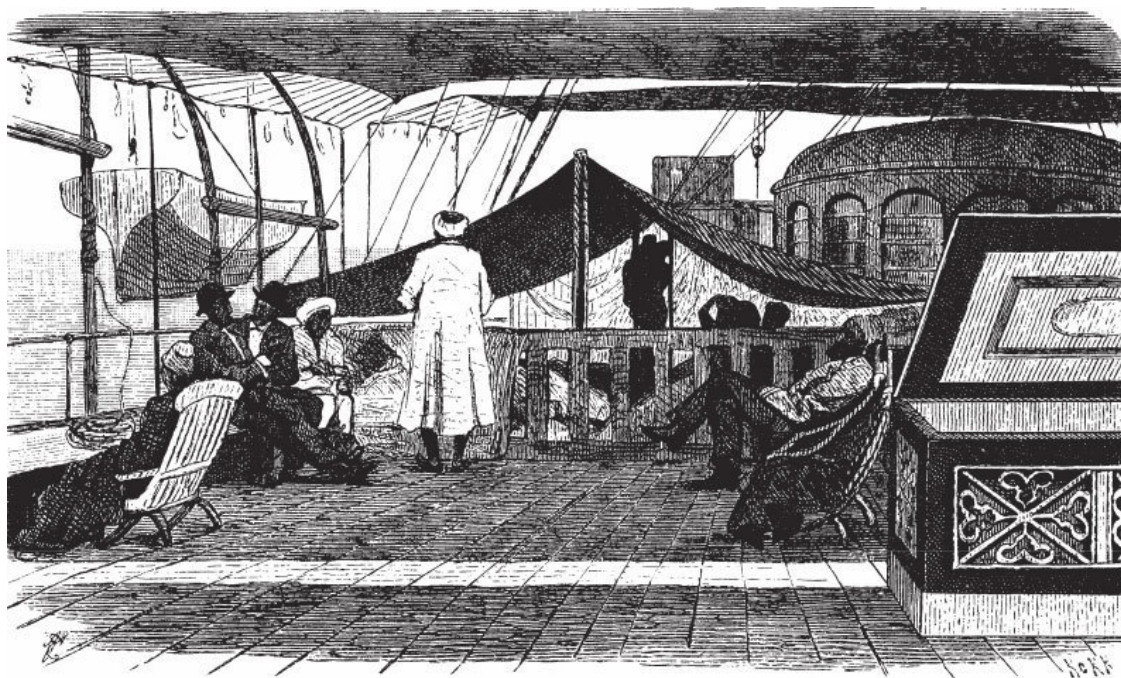
К сожалению, темень была такая, что кроме мелькавших огоньков ничего нельзя было разглядеть. Тем не менее я расположился в средней, открытой части вагона и, в ожидании Варны, старался разобрать хоть кое-как эти черные силуэты теснин по бокам дороги, и вот, наконец, вглядываясь все пристальнее, различил какую-то гладкую поверхность, окаймленную камышами, должно быть, разливы речки Варна-Дере, а минут десять спустя поезд въехал уже в крепостную ограду. В эту минуту на бастионах зажгли фальшфейеры и осветили фантастическим светом внутренние стороны верков, пристань, разбросанные здания около дебаркадера и ряды пехоты, выстроенной по валгангам бастионов, а внизу и вдали чернелось море, отражая в себе огоньки от фонарей, развешанных на судах и лодках.

У пристани нас ожидали шлюпки, в которых мы чрез 10 минут догреблись до парохода.

Колесный пароход «Вулкан» принадлежит австрийскому Лойду и держит срочные рейсы между Варною и Константинополем. Команда – большею частию албанцы; капитан из Рагузы.

Каюты 1-го класса помещены в кормовой части судна и состоят из довольно обширной столовой, буфета с лестницею наверх и из гостиной, обитой желтым штофом. Вокруг этих помещений расположены спальные каютки с четырьмя койками в каждой. Во втором классе то же, но несколько проще. Третьему же классу предоставлена палуба со всеми ее удобствами и невыгодами; к первым надо отнести воздух и солнце, а к последним дождь и брызги, а подчас и морские души. Для мусульманских женщин устроен на верхней палубе первого класса парусный навес. Ночь была тихая и звездная. Нагрузка багажа близилась к концу, и мы готовились тронуться. Товарищи уже легли спать, я же еще походил немного на верхней палубе, любуясь небом.

³ В 240 верстах от Константинополя и 70 от Шумлы.

По любопытству, в данном случае даже очень понятному, я сел около навеса, где, отдельно от прочих пассажиров, помещены были мусульманские женщины, закрывавшие белую кисею свои лица

Великий Князь провел ночь на палубе, куда и я вышел в 8 часов утра. В каютах был нестерпимо тяжелый воздух, происходящий по преимуществу от их неопрятного содержания.

Море и теперь все так же было спокойно, а небо – ясно, только на горизонте виднелись облака. Цвет воды отливал темным ультрамарином, и от действия колес тянулась за пароходом, словно лента, полоса нежной бирюзы, покрытая причудливым узором из белой пены.

По любопытству, в данном случае даже очень понятному, я сел около навеса, где, отдельно от прочих пассажиров, помещены были мусульманские женщины, закрывавшие белую кисею свои лица.

Признаюсь мне было очень интересно наблюдать столь близко этих затворниц гарема, тем более, что такое наблюдение нечасто выпадает на долю европейского путешественника.

Некоторые из них занимались туалетом, и я мог свободно их рассматривать, не обращая на себя внимание, потому что показывал вид, будто пишу в своей записной книжке и разговариваю с такими же любознательными господами, как я. Не знаю, понимали ли они мою уловку, или нет (вернее, что понимали), но во всяком случае нимало не препятствовали скромному наблюдению за собою. Какая-то смуглая красавица с тонкими чертами лица и рисованными бровями расчесывала три густые пряди волос, но увы, очарование мое продолжалось весьма недолго: морская качка вынудила ее перевесить за борт ее красивую головку...

Некоторые из этих дам раскрывались без малейшей церемонии, но опять-таки – увы! Все они были или стары, или весьма некрасивы; молодые же и, насколько можно было догадываться, если не хорошенькие, то наиболее интересные, продолжали лежать неподвижно, с каким-то странным упорством не желая изменять своих покойных поз в течение долгого и долгого времени; казалось, будто они совершенно легко и свободно могут пребывать в этом положении целые часы, дни и даже чуть ли не недели. Так по крайней мере характеризовал их нам Халиль-паша, и действительно, затворничество налагает на этих женщин неизгладимую печать всепроникающей лени и апатии.

– Поди сюда! Смотри как играют дельфины! – крикнул мне с кормы граф Берг.

Я подбежал... Стая этих животных, штук около двадцати, окружила пароход и, обгоняя друг друга, перекидывалась с волны на волну, причем некоторые совершенно выскакивали из воды.

Налюбовавшись изворотливостью дельфинов и их быстрым бегом, я возвратился на мою прежнюю обсерваторию. Невдалеке от меня сидела негритянка, жена какого-то бедуина, который ехал тут же; на руках у нее была грудная девочка и прехорошенький кудрявый мальчик, кофейного, почти темнокоричневого цвета, с большими черными глазами.

На палубе резвился трехлетний, тоже черноглазый, турченочек, и с ним гуляла, должно быть, сестра его, девочка лет восьми, в ситцевой юбочке, в душегрейке из лиловой шотландской материи, с сеточкой из розовой кисеи, которая покрывала ее волосы.

Кронеберг заговаривал с нею, называя ее Фатьмой, но она отнекивалась, качая головкой, смеялась и убегала к навесу.

Закончив свой туалет, женщины улеглись снова, и кратковременное оживление как будто повергло их еще в большую неподвижность.

Великий Князь стал заговаривать с хорошеньким, но болезненным мальчиком лет четырнадцати, сыном важно сидевшего поодаль духовного лица, четыре жены которого покоились под навесом. Мальчик апатично поднял свои большие черные глаза на Великого Князя и отвернулся. За него ответила его мать, благодаря, впрочем, Халиль-Шериф-паше, который на ее вопросы объяснил ей, что Великий Князь едет в Иерусалим на поклонение Гробу Господню, на что она заметила: «Не заедет ли он также в Айю-Софию?»

Полдень. Нас позвали завтракать. Пароход слегка покачивался. Однако при нестерпимо спертом воздухе в кают-компании немногие могли есть, большинство же поспешило выбраться на палубу. Этому благому примеру последовал и я, захватив с собою некоторое количество фруктов.

Что за отвратительное чувство морская болезнь! Оставаясь в кают-компании не более 10 минут, я испытал ее в самой легкой степени, но и того было довольно. К счастью благотворный свежий воздух как рукою снял головокружение, и я чрез 5 минут стал уже подтрунивать над другими, что по моему заключению тоже очень ободряет человека, готового поддаться влиянию этой противной болезни.

«Вулкан» шел со скоростью десяти узлов в час. Впереди виднелся берег, рисуясь в тумане иззубренным силуэтом. Это были Балканы.

Я стал на кожухе и разговаривал с Салик-беем, чиновником министерства иностранных дел, который более походил на француза, чем на турка. Галл и Берг на носу парохода, с ружьями в руках, выжидали появление дельфинов, которые и не замедлили подвернуться под их меткие пули, ярко окрасив своей кровью светлую воду.

Время тянулось томительно однообразно, чему, как мне кажется, немало способствовало безоблачное небо, спокойный вид моря и равномерный стук машины. К тому же большая часть пассажиров, чрезвычайно типичных мусульман, вовсе не расположены были поддерживать чье бы то ни было оживление: они сидели на своих местах, как манекены, и всецело погружались либо в чтение своих молитвенников, либо предавались, чисто по-восточному, своему бесконечному курению, прихлебывая из крошечных чашечек черную кофейную гущу. По временам их позы изменялись только для молитвы, совершаемой, кажется, семь раз в течение дня, и затем все эти правоверные возвращались к своему неподвижному покою.

О гаремном отделении под парусинным навесом нечего и говорить: там непрерывно господствовало самое упорное лежанье.

Между тем берег на горизонте выступал все яснее и яснее; мы, видимо, приближались к Босфору. В 2 часа дня между двумя скалами на которых торчали маяки, обозначился вход в Константинопольский пролив; справа и слева выходили навстречу нам суда под всеми парусами, тихо подвигаясь вперед, словно лебединым ходом, по причине незначительного ветра.

У самого входа в Босфор, как я уже сказал, справа и слева выстроены на скалах маяки (на местном языке – *фаналы*) Европы и Азии. У скалистого подножия этих башен замечен был прибой; берег не очень высок, но тянется крутыми обрывами между фаналами. Пред входом – бездна чаек и рыбок, словно блески играющих около парохода над поверхностью воды. У фанала Европы лежит невысокая группа скал; справа замок с двумя башнями, напоминающий своею постройкой детскую игрушку, слева батарея, а поодаль греческое местечко Св. Георгия, славящееся своими красавицами.

Входим в Босфор!

На высотах азиатского берега темная зелень лесов, за фаналом – развалины замка. Как видно с первого шага, в Турции развалины начинают играть значительную и весьма красивую для глаза роль, и чем дальше вдавались мы в страну, тем больше и больше попадалось нам всяких и иногда прелестных развалин. Я даже не помню сколько-нибудь замечательного вида без этих ветхих памятников глубокой старины, созданных либо разрушающей рукой человека, либо самим временем. Вошли в пролив. Ветер упал; солнце начинало палить нестерпимо, а вот показались и стаи особенного вида небольших птиц, которые беспрестанно и без отдыха перелетают от Босфора к Дарданеллам и обратно. В силу этой особенности европейцы называли их «падшими душами» (*les ames damnées*), а турки «иелковань», то есть «ветром носимые».

Казалось, мы вошли в русло широкой, громадной реки.

В отдалении дымился наш русский пароход «Тамань», который находится в распоряжении посольства и отличается истинно черепашим ходом.

На встречу нам вышли два парохода с чиновниками, выехавшими для представления Халиль-Шериф-паше, как новому министру иностранных дел.

Поравнявшись с «Таманью», «Вулкан» задержал ход, и тут с русского парохода на посольском каике подъехал к нам генерал-адъютант Игнатьев, чтобы встретить Великого Князя, который тотчас же перешел на «Тамань» вместе со своею свитой.

Босфор от входа до Константинополя (на протяжении 23 1/4 верст в длину, при ширине от 3600 до 6000 футов) представляет взору непрерывный ряд чудесных картин, которые, по мере приближения к городу, становятся все роскошнее и разнообразнее и завершаются, наконец, величественнейшим видом Царьграда с отдаленною панорамой Мраморного моря.

Об укреплениях Босфора даже не стоит говорить: относительно современного состояния военного искусства они просто ничтожны. Зато, подходя к городу, я насчитал десять броненосцев.

Берега Босфора, весьма населенные, рядом своих дворцов и местечек, утопающих в темной зелени садов кипарисов, фиговых деревьев и вековых платанов, составляют как бы продолжение Константинополя. В широких местах пролива мы скользили как по гладкому озеру.

Налево – рейд, на котором стояло несколько судов, направо – Буюк-Дере с прелестными дачами послов и банкиров.

Вот долина Семи братьев, с платанами, посаженными еще Готфридом Бульонским; вот на азиатском берегу известный бугор, где был раскинут лагерь Муравьева; на этом бугре воздвигнут памятник, а немного дальше выдается из-за замка белый дворец, построенный для Султана Египетским пашой.

Вот киоск Махмуда; вот бухта которую хотела купить Императрица Екатерина для Черноморского флота; дворец Египетского хедива, а вот и самое узкое место пролива, в котором переправлялись Дарий, Ксенофонт, крестоносцы, турки. На европейском берегу выстроено было Магометом II предмостное укрепление, Румели-исар, брошенное только лет двадцать назад; линия огня этого укрепления изображает шифр великого завоевателя. Против него еще более древний замок Азия-исар, выстроенный Магометом I. Затем уже киоск сменяется киоском, один красивее другого; наконец еще один заворот залива – и пред нами вся панорама Константинополя: Золотой Рог, Скутари, целый лес мачт и стаи судов, снующих во все стороны;

тут и продолговатые легкие каики, и разнообразные лодки и пароходы, и для всей этой оживленной картины служит великолепной декорацией, с одной стороны, сам Константинополь, раскинувшийся по холмам со множеством своих пологих куполов, мечетей и легких стрелообразных минаретов, а с другой стороны – открытый горизонт на Мраморное море, с группой Принцевых островов, озаренных золотисторозовым закатом солнца, которое в этот час уже погружалось в тихие воды.

Мы бросили якорь против Топ-Хане (пушечный двор), и легкие волны доставили нас к набережной продолговатого двора, уставленного старыми орудиями, лафетами и прочим артиллерийским материалом, имеющим в наши дни свое значение только для археологии.

На берегу стоял почетный караул, обойдя который, Великий Князь сел в коляску и, предшествуемый турецкими всадниками, отправился в посольство. Мы поспешили занять места в колясках и двинулись за Великим Князем, подымаясь потихоньку в гору, по узким улицам, мимо пехотной казармы, лавок и кладбища с кипарисами, в сопровождении любопытных взглядов местных жителей и невольно заглядываясь то на открывшийся вид Босфора и Скутари, то на какую-нибудь характерно-живописную фигуру мусульманина, то на остановившуюся женщину в чадре, то на знаменитых собак, составляющих неизменную и неизбежную особенность всякого восточного города, на ряды открытых лавок, кофеен, узких домов, с окнами под особенными шторами или ставнями, в роде жалюзи, которые их почти герметически закрывали.

Вечер стемнел необыкновенно быстро, и мы уже в потемках доехали до Перы, где и остановились во дворце нашего посольства. Великий Князь расположился в приготовленных для него комнатах с видом на Босфор и Св. Софию, а свита большую часть заняла соседний отель.

Глава III

В посольстве. – Представление Султану в Дольма-Бахче. – Султан отдает визит его высочеству. – Святая София. – Сераль. – Высокая Порты. – Евнухи. – Ворота блаженства. Багдадский киоск. – Библиотека. – Киоск Султана Абдулмеджида. – Хранилище драгоценностей. – Вековые платаны. – Арсенал в храме святой Ирины. – Атмейдан. – Египетский обелиск. – Змеинная колонна. – Обелиск Константина Багрянородного. – Сулеймания

Много чудес в Константинополе; много памятников и свидетелей глубокой старины. Для того, чтобы все осмотреть, нужно много времени. Мы пробыли в городе 3 дня, и, конечно, видели лишь только самое замечательное, и то вскользь. В 7 часов утра явились назначенные состоять при Великом Князе Али-Низампаша и Гафиз-бей, чтобы представиться Его Высочеству.

Начальник Военной Академии Али-Низам-паша, родом из Ангоры, в Малой Азии, говорит отлично по-немецки, по-французски, и 25 лет тому назад кончил курс Венской военной школы. Полковник Гафиз-бей кончил курс Артиллерийской школы в Бельгии, говорит свободно по-французски, но с своеобразным выговором. После чаю мы сходили в посольскую церковь, а оттуда на балкон полюбоваться видом Константинополя.

Дом нашего посольства, или, вернее дворец, построен в Пере, на главной улице, по кряжу холма. Южный фасад обращен к Босфору; пред ним расстилается великолепнейшая панорама: у подножия Топ-Хане, вправо Галата, влево Дольма-Бахче, потом Босфор, обставленный сотнями судов, начиная от тяжелых броненосцев и купеческих транспортов до легких, как ласточка, кайков; а на последнем плане: берег Малой Азии со Скутари и кипарисовым лесом, Мраморное море с лиловыми силуэтами Принцевых Островов, Золотой Рог и Стамбул с сералем, Св. Софиею и несчетными куполами мечетей и минаретов.

В 10 часов приехал представиться Его Высочеству великий визирь, а вслед за ним оберцеремониймейстер, маленький, как шарик, турок с круглою седенькою бородкой.

После завтрака нас усадили в четырехместные ландо, присланные за нами, чтоб ехать в Дольма-Бахче для представления Его Величеству Султану. У Великого Князя ландо было

запряжено четверкою серых, у нас парами. На козлах кучера и выездные были одеты в синих, богато шитых золотом куртках и шароварах, в шорные сапоги, на головах красные фески. Предшествуемый конвоем поезд из пяти экипажей, среди густой толпы, двинулся по главной улице Перы, мимо казарм к спуску на площадь пред дворцом Дольма-Бахче, что в переводе значит «огуречный сад».

Дворец построен при Султане Махмуде II, около места, где Императором Константином был поставлен золотой крест в память своего Обращения. Он стоит на самом берегу Босфора; фасад из главного корпуса и двух крыльев украшен мраморною колоннадой дорического ордена с широкою лестницей. Со стороны площади дворец обнесен двумя стенами и монументальными воротами с бронзовою вызолоченною решеткой.

На первом дворе стоял караул с хором музыки. Второй же более обширный двор покрыт газонами с цветниками и красиво посаженными группами стриженных деревьев. Мы остановились пред широкою и белую, как снег, мраморной лестницей. У дверей встретил Великого Князя сам Султан, и мы пошли посреди чинов двора и флигель-адъютантов, стоявших на небольшом друг от друга расстоянии, со сложенными на крест руками. По мере приближения они наклонялись, касаясь правою рукой полугруды и лба, и оставались в таком положении, пока не проходил Султан.

Впереди его и Великого Князя шел маленький обер-церемониймейстер, не оборачивая спины, а быстро и ловко отступая назад, причем он кланялся на каждой площадке и на порогах. Взойдя на лестницу и пройдя две роскошные залы, мы остановились в небольшой приемной, а Султан с Великим Князем и принцами взойшел в гостиную, где они сели на кресла, поставленные полукругом. Султан – мужчина среднего роста, полный, с большими карими глазами и русою бородой, приятной наружности, не лишенной даже величия, несмотря на полноту всей фигуры. Одет он был весьма просто, в черном сюртуке известного турецкого покроя, белых широких шароварах и красной феске. Разговор происходил через переводчика, которым был министр иностранных дел Халиль-Шериф-паша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.